

ВЕЛИКОРУССКІЯ

ЗАБЛНАНІЯ.

Л. Майкова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

ВЕЛИКОРУССКІЯ

ЗАБЛНАНІЯ.

Л. Майкова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ МАЙКОВА, ВЪ Л. МИН. ФИН. НА ДВОРЦ. ПЛОЩ.

1869.

ВЕЛИКОРУССКІЯ ЗАКЛИНАНІЯ.

Предисловіе.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

(Изъ Записокъ Имп. Рус. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи,
т. II, 1868 г.).

Въ 1867 г. нѣкоторые изъ гг. членовъ Отдѣленія Этнографіи приобрѣли, для изданія, сборникъ русскихъ заклинаний, составленный В. А. Яковлевымъ, изъ разныхъ печатныхъ и непечатныхъ источниковъ. Имѣя въ своихъ рукахъ нѣсколько подобныхъ же памятниковъ народнаго творчества и получивъ отъ В. И. Ламанскаго небольшой сборникъ заклинаний, имъ составленный, я взялъ на себя редакцію всего скопившагося такимъ образомъ матеріала. Чтобы сдѣлать предполагаемое изданіе по возможности обстоятельнымъ, я рѣшился пополнить собранія гг. Ламанскаго и Яковлева текстами заклинаний, которыя оставались неизвѣстны вышеупомянутымъ лицамъ. Для этой цѣли я пересмотрѣлъ: 1) рукописи этнографическаго содержанія, хранящіяся въ архивѣ Общества, 2) губернскія вѣдомости и другія провинціальныя изданія и 3) различные сочиненія этнографическаго содержанія и нѣкоторые періодическія изданія, которыя могли быть полезны для моей цѣли. Результатомъ этого пересмотра оказалось то, что объемъ первоначальнаго матеріала, бывшаго въ моихъ рукахъ, увеличился болѣе, чѣмъ въ три раза. Кромѣ того этотъ пересмотръ далъ мнѣ возможность проверить выписки, составленныя гг. Ламанскимъ и Яковлевымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился, что полная перепечатка всѣхъ заклинаний, которыя стали мнѣ извѣстны, была бы бесполезна по той причинѣ, что между произведеніями этого рода, печатанными въ разное время и разными лицами, оказалось много весьма сходныхъ между собою. Въ слѣдствіе того явилаcя необходимость сдѣлать выборъ и сосредоточить въ сводномъ изданіи заклинаний только тексты, наиболѣе замѣчательные въ какомъ либо отношеніи. Для этой цѣли я руководствовался слѣдующими правилами: Во первыхъ, я исключилъ изъ своего сборника всѣ заклинанія, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ ученыхъ изданіяхъ общераспространенныхъ и коротко знакомыхъ лицамъ, занимающимся этнографіею.

Къ числу такихъ изданій я отношу: 1) И. П. Сахарова, Сказаніе русскаго народа (т. I, кн. 2), 2) Н. В. Калачева, Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній (т. т. I и II) и Архивъ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній (кн. IV), 3) П. Н. Рыбникова, Пѣсни (т. IV), 4) Н. С. Тихонова, Лѣтописи русской литературы и древности (т. I, III, IV и V, отд. 3-е), 5) его же, Отреченныя книги древней Россіи (т. II) и Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ (1867 г., кн. IV, смѣсь). Въ предлагаемомъ сборникѣ я ограничиваюсь ссылками, въ соответствующихъ мѣстахъ, на заклинанія, помѣщенные въ этихъ изданіяхъ.

Во вторыхъ, все остальное количество находившихся у меня заклинаній я раздѣлилъ на группы по содержанію и въ каждой группѣ отдѣлилъ тождественные и наиболѣе сходные тексты отъ текстовъ, представляющихъ особенности, то-есть, такихъ, которые можно назвать вариантами. Изъ текстовъ перваго разряда я помѣстилъ въ предлагаемомъ сборникѣ только по одному, лучшему для каждой группы, отмѣтивъ однако въ ссылкахъ тѣ изданія, въ которыхъ можно найти прочіе тексты, сходные съ помѣщеннымъ. Тексты, представляющие варианты, я помѣстилъ въ сборникѣ всѣ (или, точнѣе говоря, почти всѣ, потому что и между ними оказались частные случаи тождества или сходства). Къ числу вариантовъ, достойныхъ помѣщенія, я отнесъ и такіе тексты, которые представляли хотя бы одну черту замѣчательную въ отношеніи языка или повѣрій, а также тексты, представлявшие, очевидно, сокращеніе или распространеніе основнаго мотива заклинанія. Эти сокращенія и распространенія редакцій, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія для разъясненія исторіи заклинаній. Имѣя это въ виду, я, для примѣра, съ особенной полнотой подобралъ заклинанія въ первомъ отдѣлѣ и нѣкоторыхъ частяхъ третьяго.

Порядокъ группъ, въ которыхъ заклинанія размѣщены въ предлагаемомъ сборникѣ, слѣдующій:

I. Любовь.

II. Бракъ.

III. Здоровье и болѣзни.

IV. Частный бытъ.

V. Промыслы и занятія.

VI. Отношенія общественныя.

VII. Отношенія къ природѣ.

VIII. Отношенія къ сверхъестественнымъ существамъ.

Въ каждой группѣ находятся свои подраздѣленія (напримѣръ, въ группѣ *Любовь* подраздѣленія: *отсушки*, *присутки* и пр.), и въ каждомъ подраздѣленіи тексты расположены по связи вариантовъ; группы занумерованы римскими цифрами, а подраздѣленія арабскими; кромѣ того введенъ общій счетъ всѣхъ текстовъ арабскими же цифрами въ скобкахъ. Подъ каждымъ текстомъ обозначена мѣстность, въ которой заклинаніе было записано, или письменный источникъ, изъ котораго

оно извлечено; за тѣмъ названо лицо, обнаружившее приводимый текстъ, и наконецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда заклинаніе заимствуется изъ печатнаго источника, указанъ посѣдній, а когда оно извлечено изъ рукописей архива Общества, отмѣчено: *арх. Общ.* При нѣкоторыхъ текстахъ заглавіе печатнаго источника уже само по себѣ указываетъ на мѣстность, гдѣ заклинаніе было записано. Нѣкоторые тексты не полны, но въ такомъ видѣ я нашелъ ихъ въ своихъ источникахъ. Не считаю нужнымъ прибавлять, что я не позволялъ себѣ никакихъ измѣненій въ текстахъ заклинаній (хотя они мѣстами, очевидно, искажены до безсмыслия)¹⁾ но упомяну, что правописаніе принято мною для всѣхъ текстовъ, въ томъ числѣ и старинныхъ (такъ какъ они не восходятъ ранѣе XVII в.), — одинаковое, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда особенное написаніе словъ должно указывать на мѣстныя особенности произношенія. Въ мой планъ не входило составлять объяснительныя примѣчанія къ издаваемымъ заклинаніямъ, и тѣ немногія объясненія, которыми они сопровождаются, принадлежать лицамъ, записывавшимъ самые тексты.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю мою благодарность лицамъ, сообщившимъ мнѣ указанія и матеріалы, а именно: Н. Я. Аристову, А. И. Артемьеву, А. Н. Афанасьеву, О. Л. Барыкову, Н. Г. Богословскому, А. О. Бычкову, А. А. Котляревскому, В. И. Ламанскому, А. И. Махвичу-Мацкевичу, О. О. Миллеру, П. И. Саввантову, Н. С. Щукину и В. П. Юрлову.

Л. Майковъ.

¹⁾ Исключенія составляютъ немногія поправки и дополненія въ заклинаніяхъ, полученныхъ отъ гг. Аристова и Саввантова; тексты ихъ, прежде напечатанные несовсѣмъ точно, проверены мною по рукописямъ, сообщеннымъ отъ вышеупомянутыхъ лицъ.

І. Л ю б о в ь.

1. Заговоры приворотные, присушки и любви.

(1) Говорится на пряникъ, который долженъ быть подаренъ любимой дѣвушкѣ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле заворами и змолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтръ Мойсѣй, вѣтръ Лука, вѣтры буйные, вихори! Дуйте и впитите по всему свѣту бѣлому и по всему люду крещеному; распалите и присушите мѣднымъ припоемъ рабу (имя рекъ) ко-мнѣ, рабу Божию. Сведите ее со мною—душа съ душою, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотію и не уроните, по всему бѣлому свѣту гуляючи, той присухи крѣпкой ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину и ни на могилу. Въ воду сроните—вода высохнетъ; на лѣсъ сроните—лѣсъ повѣнетъ; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ; на могилу къ покойнику сроните—кость въ могилѣ запрядаетъ. Снесите и донесите, вложите и положите въ рабицу Божию (имя рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть. Чтобъ красная дѣвица не могла безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не жить, не быть, не дни дневать, не часа часовать, о мнѣ, о рабѣ Божиѣмъ (имя рекъ), тужила и тосковала». Въ чистомъ полѣ сидитъ баба сводница, у тоѣ у бабы у сводницы стоитъ печь кирпична, въ той печѣ кирпичной стоитъ кунжанъ литръ; въ томъ кунжанѣ литрѣ всякая вещь

кипитъ, перекипаетъ, горитъ, перегорааетъ, сохнетъ и посыхаетъ: и такъ бы о мнѣ, рабѣ Божьемъ (имя рекъ), рабица Божья (имя рекъ) сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, тѣломъ сохла и не могла бы безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не жить, не быть, не дни диевать, не часа часовать; не ѣдой отѣстисъ не могла бы отъ меня, не питьемъ отпиться, не дутьемъ отдуться, не гулянкой загулять, не въ бані отпариться. Тѣмъ мнѣ словамъ ключъ и замѣкъ, аки крестъ на церквѣ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Аминь. Аминь. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ дверей воротами въ чистое поле заворами. Выйду я, рабъ Божій, на три розтани, и помолюся я тремъ братьямъ-вѣтрамъ: «Первый братъ стокъ, второй братъ сиверъ, третей братъ лѣто! Внесите вы тоску и сухоту въ рабину Божью (имя рекъ) чтобъ она, по мнѣ, рабѣ Божьемъ (имя рекъ), тоснула и сохла, не могла бы безъ меня не дня диевать, не часа часовать, отнынѣ до вѣка и во вѣки. Аминь!»

(Шенкурск. у. Арханг. г., зап. А. Харитоновъ, Отеч. Зап. 1847 г., т. LIV, отд. VIII, стр. 136. — Слѣд.: Отеч. Зап. 1848 г. т. LVII, отд. VIII, стр. 148—149, отсюда же; Поэт. возрѣнія Славянъ на природу, А. Аванасьева, I, стр. 452, Черновск. у., Новгородск. г.).

(2) *Говорить на три зори утреннюю, вечернюю и утреннюю.*

Благослови раба Божія (имя рекъ). Благословясь, лягу я, рабъ Божій (имя рекъ), помолюся встану, перекрестясь умоюсь водою, росю, утруся платкомъ тканымъ; пойду азъ, рабъ Божій, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, на путь, на дорогу; въ стрѣчу мнѣ, рабу Божію, три брата: Усыни, Бородиня да Никита Маментій. «Гой еси, три брата, да вы куда идете, вы куда бредете?» «Идемъ на лѣса темные, на болота зыбучія, на рѣки текучія лѣса зажигати, болота высунати, рѣки затворяти.» «Гой вы еси, три брата, не ходите на лѣса темные, на болота зыбучія, на рѣки текучія, подите вы, сходите, послужите мнѣ, куда я васъ пошлю, рабъ Божій; зажгите вы ретивое сердце у рабы Божіей (имя рекъ), чтобы горѣло по рабѣ Божіемъ; какъ огонь горитъ въ печи жарко на жарко, не потухаетъ, такъ бы ея сердце горѣло по рабѣ Божіемъ; какъ миль весь бѣлой свѣтъ, такъ бы я казался ей рабѣ Божіей, краснѣ красного солнышка, свѣтлѣ свѣт-

лаго мѣсяца; какъ тоскуетъ мать по дитяти, такъ бы раба Божія тосковала и горевала по рабѣ Божіемъ, тосковало и горевало ея сердце; какъ тоскуетъ младенецъ по титѣ, такъ бы и она тосковала и горевало сердце у рабы Божіей по рабѣ Божіемъ; какъ тоскуетъ кобыла по жеребенку, корова по теленку, такъ бы раба Божія тосковала и горевало ея сердце по рабѣ Божіемъ; какъ тоскуетъ сука по щенятамъ, кошка по котятѣ, такъ бы и она, раба Божія, тосковала и горевало ея сердце по рабѣ Божіемъ; какъ тоскуетъ утка по утятѣмъ, клуша по клушатѣмъ; въ ѣжѣ бы не заѣдала, въ шнѣ бы не заливала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы не засыпала, ни въ году, ни въ полугоду, ни во дни, ни въ ночи, ни въ часу, ни въ получасу, ни въ минутѣ, ни въ полуминутѣ.» Говорю я азъ, рабъ Божій (имя рекъ), тридесять словъ, тридесять стиховъ и тридесять молитвъ; какъ на землѣ бѣлъ горючъ камень, такъ бы мои слова и наговоры сквозь семидесяти костей, сквозь осмидесяти суставовъ, сквозь пятидесяти жилъ, сквозь буйной головы, сквозь ясныхъ очей, сквозь ручныхъ жилъ, сердечныхъ, сквозь питныхъ и подкожныхъ. Говорю я азъ, рабъ Божій, тридесять словъ и тридесять стиховъ, тридесять молитвъ; запираю азъ, рабъ Божій тридесятьми запорами и тридесатью ключами, и тѣ ключи къ себѣ беру. Пойду азъ, рабъ Божій, изъ Океана въ Океанъ море; брошу я тѣ золоты ключи въ Океанъ море, подъ тотъ бѣлъ горючъ камень; на томъ Океанѣ морѣ никому не бывать и воды не пивать, песку не зобать и тѣхъ золотыхъ ключей никому не вынимать, по мой вѣкъ, по мою смерть.

(Владим. г., арх. Общ.).

(3) *Наговаривается на хлѣбъ, вино и проч., что дастся прижизненно, также на его слѣды.*

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, подъ востокъ, подъ восточную сторону. На встрѣчу мнѣ семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ. «Откуда вы, семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ, идете? Куда пошли?» «Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья сушить травы скошенные, лѣса порубленные, земли вспаханныя.» «Подите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ,

спроть и маленьких ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (имя рекъ) въ ретивое сердце: прѣсѣкните булатнымъ топоромъ ретивое ея сердце, посадите въ него тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, въ составы, въ семьдесятъ-семь составовъ и подсоставковъ, единъ составъ, въ семьдесятъ-семь жилъ, единую жилу станovou; чтобы красная дѣвица (имя рекъ) тосковала и горевала по (имя рекъ) во снѣ суточные въ двадцать-четыре часа, ѣдой бы не заѣдала, питьемъ она не заливала, въ гульбѣ бы она не загуливала, и во снѣ бы она не засыпывала, въ теплой парущѣ калиновымъ щелокомъ не смывала, шелковымъ вѣшникомъ не спаривала, пошла, слезно плакала, и казался бы ей (имя рекъ) милѣ отца и матери, милѣ всего роду племени, милѣ всего подъ луной Господней, скатнаго жемчугу, платья цвѣтнаго, золотой казны». Будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата. Ключъ моимъ словамъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ, на рыбѣ на китѣ; и никому эту китъ-рыбу не добыть, и замокъ не отпереть, кромѣ меня (имя рекъ). А кто эту китъ-рыбу добудетъ, и замокъ мой отпереть, да добудетъ яло древо, палимое молніею.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чит., 1848 г., т. XC, отд. III, стр. 47—48.—Слич: зап. П. Вологдинъ, Пермск. губ. вѣд. 1863 г., стр. 175; зап. Г. Потанинъ, Матеріалы для изуч. нар. словесности, I, стр. 9—10 Забайкальск. обл.).

(4) На морѣ на Океанѣ, на островѣ Буягѣ живутъ три брата, три вѣтра, одинъ сѣверный, другой восточный, третій западный. «Навѣйте, нанесите вы, вѣтры, печаль, сухоту рабѣ (имя рекъ) чтобы она безъ раба (имя рекъ), дня не днела, часа не часовала.» Слово мое крѣпко.

(Зап. А. Селвановъ, Воронежскій литературный сборникъ 1861 г., I, стр. 384—385).

(5) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Въ печи огонь горитъ, палитъ и пышетъ и тлѣть дрова; такъ бы тлѣло. горѣло сердце у рабы Божіей (имя рекъ) по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) во весь день, по всякъ часъ, всегда, нынѣ и приспо и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Череповск. у. Повгор. г., зап. Н. Чернышевъ, арх. Общ.).

(6) Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле; стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летитъ огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь и спрошу ее: «Куда полетѣла, огненна стрѣла?» «Во темные лѣса, въ зыбучія болота, въ сырое коренье!» «О ты, огненна стрѣла, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна дѣвица (имя рекъ), полетай ей въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ станovou жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, на вѣтрѣ-холодѣ, на прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка.»

(Шенкурск. у. Ариант. г., Пост. возвр. Слв. на природу, А. Аванасьева, I, стр. 461—462).

(7) *Наговариваютъ на пѣду или питье, которыя даютъ привораживаемоу, или на его слѣдѣ.*

Встану я (имя рекъ) и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье, къ синему морю-окиану. У того у синяго моря Окиана лежитъ Огненный змѣй. Сражается и снаряжается онъ зажигать горы и доли и быстрыя рѣки; болотныя воды со ржавчиною, орлицу съ орлятами, скопу со скопятами, травы подкошенные, лѣса подсѣченные. Подойду я поближе, поклонюсь пониже. «Гой, еси ты, Огненный змѣй! Не зажигай ты горы и доли, ни быстрыя рѣки, ни болотныя воды со ржавчиною, ни орлицу съ орлятами, ни скопу со скопятами; зажги ты красну дѣвицу (имя рекъ), въ семьдесятъ-семь составовъ, въ семьдесятъ-семь жилъ и въ единую жилу станovou, во всю ея хочъ; что бѣей милолось и хотѣлось, брало бы ее днемъ при солнцѣ, ночью при мѣсяцѣ, чтобы она тосковала и горевала по (имя рекъ), сномъ бы она не засыпала, ѣдою не заѣдала, гульбою не загуливала. Какъ бѣлая щука-рыба не можетъ быть безъ проточной воды и безъ пробѣжки, такъ бы красная дѣвица (имя рекъ) не могла бы безъ (имя рекъ) ни жить, ни быть». Будьте, мои слова крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата, острога ножа и борзомѣткаго копья. А ключъ моимъ словамъ и утверж-

деніе, и крѣпость крѣпкая, и сила сильная въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт. 1848 г., т. XC, отд. III, стр. 48—49.—Сличн: зап. В. Юрловъ, Симб. губ. вѣд. 1865 г., № 71, Сентилевск. у.).

(9) *Наговаривается на пищу и питье, которыя даютъ привораживаемому лицу, или на его слѣдѣ.*

Встану я (имя рекъ) и пойду изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле. На встрѣчу мнѣ огонь и полымя и буенъ вѣтеръ. Встану и поклонюсь имъ низешенько и скажу такъ. «Гой еси, огонь и полымя! Не палите зеленыхъ луговъ, а буенъ вѣтеръ, не раздувай полымя, а со служите службу вѣрную, великую; выньте изъ меня (имя рекъ) тоску тоскучую и сухоту плачущую; понесите ее черезъ моря и рѣки, не утоните, а вложите, ее въ рабу Божию (имя рекъ), въ бѣлую грудь, въ ретивое сердце и въ легкія, и въ печень, чтобъ она обо мнѣ, рабѣ Божиѣмъ (имя рекъ), тосковала и горевала денну, почну и полуночну; въ сладкихъ ѣствахъ бы не заѣдала. въ меду, пивѣ и винѣ не заливала.» Будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки отнынѣ и до вѣку. Заключаю крѣпкимъ замкомъ и ключъ въ воду.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт., 1848 г., т. XC, отд. III, стр. 49).

(9) *Говорить надъ кольцомъ или крестомъ и положить ихъ къ себѣ за пазуху или въ платокъ.*

Собирайтесь народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ, такъ бы на раба Божія (имя рекъ) глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старья старухи, молодья молодухи, красныя дѣвицы, малые ребятки, такъ бы раба Божія (имя рекъ) глядѣла и смотрѣла, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) казался краше краснаго золота, чище чистаго серебра. Будьте, мои слова, тверды и крѣпки, на вѣки нерушимы. Ключъ въ воду, а замокъ въ руки.

(Зап. П. Ефименко, Пам. кн. Арх. губ., 1864 г., отд. I, стр. 13. Сличн: тамъ же, стр. 14).

(10) *Наговаривается на пищу или питье, которыя даютъ привораживаемому, или на слѣдѣ его.*

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду я въ чистое поле. Есть сидитъ въ чистомъ полѣ сама Пресвятая Богородица Мати Божя. Какъ она скрипитъ и болитъ по своему Сынѣ, такъ бы по рабу Божиѣмъ (имя рекъ) раба Божія (имя рекъ) скрипѣла и болѣла, и въ огнѣ горѣла, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не исъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Зап. П. Ефименко, Пам. кн. Арх. губ. 1864 г., отд. I, стр. 13).

(11) Господи Боже, благослови Христосъ! Стану я, рабъ Божій, (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, со двора въ ворота, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ кустахъ, въ поморѣ, стоитъ вертепъ; въ томъ вертепѣ сидитъ матерая жена на золотомъ стулѣ между троиныхъ дверей. Молюся я, рабъ Божій (имя рекъ) до ней: «Ты старая матерая жена, тебѣ дано отъ Господа и отъ Пресвятыя Богородицы вѣдати меня раба Божія (имя рекъ) Адамовъ законъ, Еввину любовь, вложи желанное сердце рабѣ Божіей (имя рекъ) по мнѣ, по рабѣ Божиѣмъ (имя рекъ). И тутъ старая матерая жена милостивая, милосердая, золота ступа, покидаетъ полковой кушелекъ, веретенцо серебряное, молится Христу Царю Небесному, Богородицѣ, Матери Царицѣ, вкладываетъ желанное сердце рабѣ Божіей (имя рекъ). Какъ кипитъ подъ землею лѣтомъ безпрестанно бѣлой ключъ, такъ бы кипѣло, горѣло сердце и душа у рабы Божіей (имя рекъ) по мнѣ, по рабѣ Божиѣмъ (имя рекъ). Какъ всякой человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба, безъ соли, безъ платья, безъ ѣжи, такъ бы не можно жить рабѣ Божіей (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Коль тошно рыбѣ жить на сухомъ берегу, безъ воды студениы, такъ бы тошно было рабѣ Божіей (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Коль тошно младенцу безъ матери своей, а матери безъ дитяти, толь тошно рабѣ Божіей (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Какъ быки скачутъ на корову, или какъ корова въ Петровки голову закинетъ, хвостъ залуны, такъ бы раба

Божія (имя рекъ) бѣгала и искала меня, раба Божія (имя рекъ), Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы цѣловала, руками обнимала, блудъ сотворила. И какъ хлѣбъ вьется около кола по солнцу, такъ бы вилась, обнималась около меня, раба Божія (имя рекъ). Какъ цвѣла утренняя роса, дожидаясь краснова солнца изъ-за горъ изъ-за высокихъ, такъ бы дожидалась раба Божія (имя рекъ) меня, раба Божія (имя рекъ), на всякій день и на всякій часъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Череповск. у. Новг. губ., зап. Н. Чернышевъ, Поэтич. воззрѣнія Слав. на природу, А. Аванасьева, I, стр. 452—453).

(12) Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, На желтомъ песку есть бѣлая рыбица. Какъ бѣлая рыбица тоскуетъ и мечется и не можетъ безъ воды жить, ни днвать, ни часу часовать, на всякъ день и на всякъ часъ, и какъ у бѣлой рыбицы прилегла чешуя отъ головы до хвоста, такъ бы прилегли ко мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), у нея рабы Божіей (имя рекъ) думы и мысли на всякъ часъ, и на всякъ день въ полномъ мѣсяцѣ и по всѣмъ четнымъ во всѣ двадцать-четыре часа всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Череповск. у. Новгор. г., зап. Н. Чернышевъ, арх. Общ.).

(13) Рыба карась или плотика, какъ тебѣ тошно на желтыхъ пескахъ, безъ воды и безъ грязи, тошно тебѣ въ горячей и кипучей водѣ, такъ бы было тошно рабѣ (имя рекъ) по рабѣ (имя рекъ), чтобъ она, раба (имя рекъ), быть не могла; кто ту рыбу съѣстъ, тотъ безъ меня не проспитъ, не проживетъ и не единой минуты быть не можетъ.

(Изъ стариннаго травника В. А. Яковлева).

(14) *Наговаривается на пищу или питье, которыя даютъ привораживаемому, или на сльдъ его.*

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), и пойду изъ дверей дверьми, изъ воротъ воротами, подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну Господню, къ тому синему морю, синему морю Окіяну. У того у синяго моря лежитъ бѣлая Алатръ камень; подъ тѣмъ подъ бѣлымъ Алатромъ камнемъ лежатъ три

доски, а подъ тѣми досками три тоски тоскучія, три рыды рыдучія. Подойду я близехонько, поклонюсь низехонько «Вставайте вы, матушки три тоски тоскучія, три рыды рыдучія, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя рекъ) дѣвицу, разжигайте ее во дни, въ ночи и въ полночи, при утренней зарѣ и при вечерней. Садитесь вы, матушки три тоски, въ ретивое ея сердце, въ печень, въ легкія, въ мысли и въ думы, въ бѣлое лицо и въ ясныя очи; дабы рабъ Божій (имя рекъ) казался ей пуще свѣта бѣлаго, пуще солнца краснаго, пуще луны Господней; ѣдой бы она не заѣдала, питьемъ бы она не запивала, гульбой бы не загуливала; при пирѣ она или при бесѣдѣ, въ полѣ она или въ домѣ, — не сходилъ бы онъ съ ея ума-разума.» Будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата. Замыкаю я васъ тридевятью замками; запираю я васъ тридевятью ключами. Нѣтъ моимъ словамъ переговора и недоговора, и не измѣнить ихъ ни хитрецу, ни мудрецу.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Биб. для Чтенія, 1848 г., т. XC, отд. III стр. 47).

(15) *Подаютъ въ три церкви поминаніе за упокой того человека, которому хотѣтъ наплатъ любовную тоску, и потомъ въ теченіе трехъ дней выходя по утреннимъ зорямъ, бросаютъ на оптергъ горсть земли, взятой съ какою нибудь кладбища и при томъ каждый разъ говорить:*

На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоятъ бѣлая горячя камень, на томъ камнѣ лежатъ три камня, на тѣхъ камняхъ стоятъ три гроба, въ тѣхъ гробахъ три доски, на каждой доске три тоски; первая тоска убивалася, съ тѣломъ разставалася; вторая доска убивалася, съ тѣломъ сопрягалася; третья тоска убивалася, въ сердце вошла. Къ тѣмъ гробамъ дѣвица (имя рекъ) приходила, отъ тѣхъ трехъ досокъ три тоски износила; отъ тѣхъ гробовъ вѣтеръ подуваетъ, тоску рабѣ (имя рекъ) навѣваетъ, за упокой ее поминаетъ; и былъ бы я ей, удалъ добрый молодець, краше краснаго солнца; по мнѣ бы всегда тосковалася, сердцемъ со мной сопрягалася, сохла бы да не умирала, въ ѣдѣ бы тоски не заѣдала, въ поилѣ не запивала, отъ первыхъ тоски не положила бы рукъ, а вѣкъ бы меня поминала, сохла бы да тосковала.

(Сенгилеевск. у., Симбирск. губ.; зап. В. Юрловъ, арх. Общ. — Слпчи: Пермск. г. вѣд., 1863 г. стр. 175).

(16) Не молясь ложуся спать и не перекрестившись, встану не благословясь, пойду изъ двери въ двери въ трое двери, изъ воротъ въ ворота въ трое ворота, въ чистыя поля. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буйнѣ стоятъ три кузницы. Куютъ кузнецы на четырехъ станкахъ. Бѣсъ Салчакъ, не куй бѣлаго желѣза, а прикуй добраго молодца (*или красную дѣвицу*) кожею, тѣломъ, сердцемъ (*такими то глазами и кудрями*). Не сожги орѣховаго дерева, а сожги ретивое сердце въ добромъ молодцѣ (*или въ красной дѣвицѣ*); въ ѣствѣ бы не западалъ, въ полѣ бы не загулялъ, въ питьѣ бы не запивалъ, во снѣ бы не засыпалъ, съ людьми бы не забавалъ, во всемъ бы меня почиталъ и величалъ, свѣтлѣй свѣтлаго мѣсяца, краснѣй краснаго солнца, милѣй отца, матери, роду и племени. Ключъ—небо, замѣкъ—земля.

(Петровск. у., Саратов. г., Отеч. Зап. 1848, т. LVI, отд. VIII, стр. 203.—Смича: Ворон. лит. сб., 1861 г. I, стр. 385).

(17) *Читается по утреннимъ зорямъ.*

Встану, раба Божія (имя рекъ), благословясь и пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле. въ восточную сторону, подъ утреннюю зорю, подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя ярыя звѣзды. Подъ частыми ярыми звѣздами стоитъ гора бѣлокаменная; изъ этой горы бѣлокаменной бѣгутъ три ключа горючіе и кипучіе; у этихъ ключей горючихъ и кипучихъ стоитъ истинный Христосъ со ангелами и съ архангелами, со всей силой небесною: всякъ ихъ убоится, устралится; я, раба Божія (имя рекъ), не убоюсь, не устралюсь. Попрошу у ихъ съ трехъ ключей горючихъ, съ трехъ ключей кипучихъ воды для того, чтобъ у раба Божія (имя рекъ) зажечь легкую печень и горячую кровь и ретивое сердце—кипѣло бы, горѣло объ раба Божіей (имя рекъ) вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣку. Будьте, мои слова, крѣпки и лѣпки, чтобъ у раба Божія (имя рекъ) зажглася легкая печень и горячая кровь и ретивое сердце кипѣло бы, горѣло объ раба Божіей (имя рекъ) вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣку; чтобъ у раба Божія (имя рекъ) кипѣло бы, горѣло сердце ретивое объ раба Божіей (имя рекъ) вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣку.

(Троице. у., Оренб. г., зап. Вл. Аманацкій, арх. Общ.).

(18) *Читается до восхода солнца на зорѣ надъ чѣмъ-нибудь свѣтлымъ, что послѣ и дается свѣтъ дѣвицѣ.*

Ягу я раба (имя рекъ), помолюся; встану, перекрещуся; умоюсь утренней росой, утруса Господней пеленою; пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на чистое поле на Окіанѣ море. Тамъ встрѣтятся со мной четыре ангела; я, тѣмъ ангеламъ покорюсь и поклонюсь. Вы же, четыре ангела, вырвите тоску-кручину изъ меня, раба (имя рекъ), изъ моего тѣла бѣлаго, изъ моихъ черныхъ очей, изъ всѣхъ моихъ жилъ и составовъ и недуговъ, и вложите ту тоску-кручину въ раба (имя рекъ), и въ ея тѣло бѣлое, и въ ея черныя очи, и во всѣ ея жилы и составы и недуги; чтобъ раба (имя рекъ) тосковала по мнѣ, раба (имя рекъ), и горевала, и во всей тоскѣ пребывала, и никогда меня не забывала, ни на питьѣ не запивала, ни на ѣжѣ не заѣдала, и во снѣ не засыпала, и въ бесѣдѣ съ добрыми людьми не заговаривала; ни на кого бы не взирала, ни на отца, ни на мать, ни на брата, ни на сестру, ни на дядю, ни на тетку, ни на сосѣда, ни на сосѣдку; а взирала бы на одного раба меня (имя рекъ). Замену замки замками, заключу заключи ключами, твердѣйшими словами.

(Юрьевск. у., Влад. г., зап. Дм. Беренисовъ, арх. Общ.).

(19) *Читается на подаваемое питье.*

Ягу я, раба Божій, помолясь, встану я, благословясь; умоюсь я росой, утрусь престольною пеленою, пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду въ чисто поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку, какъ красное солнышко воссіяло, припекаетъ мхи-болоты, черными грязни. Такъ бы припекала, присыхала раба Божія (имя рекъ) о мнѣ, раба Божьемъ (имя рекъ)—очи въ очи, сердце въ сердце, мысли въ мысли; спать бы она не заспала, гулять бы она не загуляла. Аминь тому слову.

(Зап. В. Дала, Иллюстрація 1845 г., № 16, стр. 250).

(20) Упокой, Господи, душу, въ тѣлѣ живущую у рабы твоя (имя рекъ). Боли, ея-сердце, гори, ея совѣсть, терпи, ея ярая кровь, ярая плоть, легкое, печень, мозги. Мозжитесь, ея кости; томитесь, ея мысли, и день, и ночь, и въ глухую полночь, и въ ясный пол-

день, и въ каждый часъ, и въ каждую минуту обо мнѣ, рабѣ Божиѣмъ (имя рекъ). Вложи ей, Господи, огненную искру въ сердце, въ легкія, въ печень, въ потъ и въ кровь, въ кости, въ жилы, въ мозгъ, въ мысли, въ слухъ, въ зрѣніе, обоняніе и въ осязаніе, въ волосы, въ руки, въ ноги—тоску и сухоту, и муку; жалость, печаль и заботу, и попеченіе обо мнѣ, рабѣ (имя рекъ).

Послѣ того сотворить земной поклонъ.

Жалѣла бы раба Божія (имя рекъ) о рабѣ (имя рекъ), какъ сама о себѣ (поклонъ). Тосковала бы раба (имя рекъ) день и ночь, и глухую полночь, и въ ясные полдни, и каждый часъ, и каждую минуту о рабѣ (имя рекъ) (поклонъ). Напусти, Господи, на рабу (имя рекъ) злую тоску, невидимо пусть сохнетъ ея тѣло, руки, ноги, мозгъ, кости. Плѣнитесь, ея мысли, день и ночь, и въ глухую полночь, и въ каждый часъ, и минуту обо мнѣ вѣчно. Спать бы ей—не заспать бы ей меня; ѣсть бы ей—не заѣсть бы ей меня; пить бы ей—не запить бы меня; ходить бы ей—не заходить бы меня; говорить бы ей—не заговорить бы меня. И казался бы я ей, рабѣ (имя рекъ), милѣе отца и матери, милѣе всего рода и племени, милѣе краснаго солнца и милѣе всѣхъ частыхъ звѣздъ, милѣе травы, милѣе воды, милѣе соли, милѣе дѣтей, милѣе всѣхъ земныхъ вещей, милѣе братьевъ и сестеръ, милѣе милыхъ товарищей, милѣе милыхъ друзей, милѣе всего свѣта вольнаго; накажи, Создатель, благія рабу (имя рекъ) подножію ногъ его (поклонъ).

Нужно прочесть три раза, а послѣ въ разное время прочитать 17 разъ съ поклонами; когда увидишь, что наговоръ подѣйствовалъ, молись Богородицѣ такъ:

Утоли, Владычица, тоску, печаль въ рабѣ (имя рекъ) по рабу Божию (имя рекъ).

(Въ С.-Петербургѣ, зап. Н. Щукинъ).

(21) Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), пойду изъ дверей во двери, изъ дверей въ ворота, въ восточную сторону, на Окіанъ море; на томъ морѣ стоитъ островъ, на томъ островѣ стоитъ столбъ, на этомъ столбѣ сидятъ семьдесятъ семь братьевъ; они куютъ стрѣлы булатныя день и ночь; скажу я имъ тихонько: «Дайте мнѣ, семьдесятъ семь братьевъ, стрѣлу, которая всѣхъ пыльче и летче.» Стрѣло

этою стрѣлою въ рабу Божию, дѣвицу (имя рекъ), въ лѣвую титьку, легкія и печень, чтобы она горевала и тосковала денно, нощно и полунощно, не заѣдала и не запивала. Заключая замкомъ крѣпкимъ, и блючь въ воду.

(Зап. П. Вологдинъ, Пермск. губ. вѣд. 1863 г., стр. 175).

(22) Молодецъ ловитъ и колеть голубя, достаетъ изъ него сало, на салѣ мѣситъ тѣсто, печетъ изъ него казачикъ либо кокурку или т. п. и этимъ кормитъ любимую дѣвушку, приговаривая:

Какъ живутъ между собою голубки, такъ же бы любила меня раба Божія (имя рекъ).

(Г. Дедюхинъ, Пермск. г., зап. Д. Пѣтуховъ, Зап. И. Р. Г. Общ., 1863 г., кн. IV, отд. II, стр. 80).

(23) Мужчину долженъ хорошенько вспотѣть и, обтерши потъ платкомъ, тѣмъ же платкомъ долженъ утереть любимую женщину, приговаривая про себя:

Какъ у меня, раба Божія, потъ кипитъ и горитъ, тако же бы у рабы Божіей кипѣло и горѣло сердце обо мнѣ, рабѣ Божиѣмъ.

(Г. Дедюхинъ, Пермск. г., зап. г. Д. Пѣтуховъ, Зап. И. Р. Г. Общ. 1863 г. кн. IV, отд. II, стр. 80—81).

(23) Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кустѣ сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и отъ матери, отъ роду, отъ племени. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ (имя рекъ).

(Изъ дѣла о крестьянинѣ Трофимѣ Поповѣ, Кехотской волости, Архангельской губ., хранящемся въ архивѣ бывшей Арханг. Губерн. Канцеляріи, извѣ. П. Ефименко, Пам. кн. Арх. губ. 1864 г., отд. I, стр. 17).

(25) Плянуть на руку и говорить наговоръ на сляну, потомъ ударить невздогадъ дѣвицу или женщину противъ сердца; или же наговорить на кушанье или на питье и дать ей пить или съѣсть.

Встану я, рабъ (имя рекъ), и пойду изъ избы не во двери, со двора не въ ворота и пойду я не въ востокъ, не въ восточную сторону. Не въ востокъ, не въ восточной сторонѣ есть Окіанъ море.

на томъ Окіанѣ морѣ лежитъ колода дубовая, на той на колодѣ, на той на дубовой, сидитъ Страхъ-Рахъ. Я этому Страху-Раху поклонюсь и помолюсь: «Создай мнѣ, Страхъ-Рахъ, семьдесятъ семь вѣтровъ, семьдесятъ семь вихоревъ; вѣтеръ полуденный, вѣтеръ полуденный, вѣтеръ суходушный, которые лѣса сушили, крошили темные лѣса, зелены травы, быстрыя рѣки; и тагъ бы сушилась, крушилась обо мнѣ, обо рабѣ (имя рекъ) раба (имя рекъ).» И пойду я не въ востокъ, не въ восточную сторону, на заднее крыльцо, въ подымное окно, подъ гнилое бойное дерево, пойду не дорогой, а стороной, мышьею норой, собачьей тропой; идетъ мнѣ на встрѣчу раба раба, ударю ее по ретивому сердцу и распорю я ея бѣлу грудь и напущу на нее тоску тоскущую, кручину кручинскую; ѣдами бы она не заѣдала, питьею бы она не запивала, думой бы она не задумывала; и разойдись, тоска тоскущая, кручина кручинская, по ретивому сердцу, въ стѣновыя жилы, въ горячую кровь; запру я эту тоску тоскущую, кручину кручинскую ключами и замками; брошу я ключи и замки въ Окіанъ море. Есть въ Окіанѣ морѣ Златырь-камень, подъ тѣмъ подъ Златыремъ камнемъ стоитъ щука-калуга, ключи и замки подхватила; никто эту щуку-калугу не можетъ изловить ни неводами, ни пережками, ни мелкими ловушками; и куда я ни пойду, куда я ни поѣду, все бы она, раба (имя рекъ), у окошка сидѣла, за мной, работою (имя рекъ), за мной глядѣла и смотрѣла; и кто меня училъ, и кто не доучилъ; будьте, слова крѣпки и лѣпки на крѣпко; какъ моя слюна сохла, тагъ бы и она обо мнѣ сохла.

(Влад. губ., арх. Общ.)

(26) Говорить трижды на иллу новую, которою еще не шили, и на суровую нитку, продытую илль въ уши; наговоря, продеть иллу и съ ниткой сквозь платье женского, против сердца, сзади или спереди.

Какъ мертвая, отходя живота своего временнаго, толикая вся тоска и скука, и прискорбность, и сокрушеніе сердца, и изнуреніе силы ея; аще бы не запрещено было отъ Бога, возмогла бы во всю вселенную вскричать, отъ толикія скуки и жалости, и изнуренія сердца силъ ея; аще Воскресенія не узрю, то сердце мое стрѣлою устрѣлить и сердце узавить, всѣ жалости сердечныя распалить на всѣ дни живота моего, во вѣки вѣкомъ. Свѣжа вода Бѣлозерская!

не знаю ничего, ни скорби, ни болѣзни, и какъ заговаривать, у-
рабы дѣвнцы нитка порвися, кровь повинная. Аминь. (Владим. губ., арх. Общ.).

(27) Говорить по три раза на три зори утреннюю, вечернюю и утреннюю.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ камень, на томъ камнѣ сидитъ красная дѣвка, раба (имя рекъ), и придетъ къ ней рабъ Божій (имя рекъ) и говоритъ ей: «Ты меня не убойся, я придетъ, твой товарищъ, тебя соблазнить, чтобы тебѣ меня почитать и всегда на умѣ держать, въ ѣдѣ бы не заѣдать, и въ питѣ бы не запивать, во снѣ бы не засыпать, въ гульбѣ бы не загуливать; бросалась бы тоска въ ночное окошко, въ полуденное окошко, въ дневное окошко; казался бы я тебѣ краснѣе краснаго солнца и свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, милѣе отца и матери, роду и племени, вольнаго свѣта, разнаго цвѣта, что на свѣтѣ цвѣтеть.» Будь ты, мой приворотъ, крѣпче камня, крѣпче желѣза, отнынѣ и до вѣка. Аминь.

(Владим. г., арх. Общ.)

(28) Говорить на кислые яблоко; когда говоришь первую 12 слов, ударяй ножом в яблоко; как точка, так тут и ударь ножом; а говорить в самую полночь.

Встану я рабъ (имя рекъ) на зорѣ, на утренней, на восходѣ
солнышка, на закатѣ мѣсяца и на покрытие звѣздъ, и пойду я,
рабъ, за бѣлой брагой, за дѣвичьей красотою, изъ избы дверьми,
изъ двора воротами, въ чистое поле, путемъ и дорогою, и приду
я, рабъ, къ Черному морю, и встану я, рабъ, на морской берегъ, и
посмотрю я, рабъ, въ морскую пучину, и увижу въ той морской пучи-
нѣ лежащій бѣлый Латырь камень; на томъ на бѣломъ Латырѣ
камени сидящую царицу, Прода царя, во имя Соломѣю. У той ца-
рицы есть тридевяť слугъ и тридевяť прислужниковъ и триде-
вяť вѣрныхъ рабъ и двѣнадцать дочерей: Огнея, Гнетя, Знобея,
Ломея, Пухлея. Скорохода, Трясуха, Дрожуха, Говоруха, Лѣпчя,
Сухота и Невея. И поклонюся я тебѣ, рабъ: «О мати, царица Соло-
мѣя, наведи своихъ тридевяť слугъ и тридевяť, прислужниковъ,
и тридевяť вѣрныхъ рабовъ, и всѣхъ своихъ двѣнадцать дочерей
съ пилами, съ терпугами, съ могучими и сильными, большими мо-
лотами, и съ великими великими булатными мечами, и прикажи

всѣмъ своимъ тридевятъ слугамъ и тридевятъ прислужникамъ, и тридевятъ вѣрнымъ рабамъ, и всѣмъ своимъ двѣнадцати дочерямъ разбить и распилить сей бѣлой Латырь камень и вынять изъ сего бѣлаго Латыря камня палящій и гуляющій огонь; и прикажи зажечь смолевые пучки, и прикажи идти со всѣми огнями, со всѣми пучками, къ рабѣ въ ясныя очи, въ черныя брови, въ буйную голову, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, и во всѣ ея семьдесятъ жилъ, и во всѣ ея семьдесятъ составовъ, въ ручное, въ головное, въ станное и въ подколѣбное; и прикажи всѣмъ своимъ тридевятъ слугамъ, и тридевятъ прислужникамъ, и тридевятъ вѣрнымъ рабамъ, и всѣмъ своимъ двѣнадцати дочерямъ разжигать и распаливать у рабы ясныя очи, черныя брови, буйную голову, бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень и горячую кровь, и всѣ ея семьдесятъ жилъ, и всѣ ея семьдесятъ составовъ, ручные, головные, станные и подколѣбные; и чтобы у нея, рабы (имя рекъ), тѣло бы, горѣло все ея тѣло, ясныя очи, черныя брови, буйная голова, ретивое сердце, черная печень, и горячая кровь, и всѣ ея семьдесятъ жилъ, и всѣ ея семьдесятъ составовъ ручные; головные, станные и подколѣбные; не могла бы она, раба, ни жить безъ меня, раба, и не быть, никакихъ тайныхъ рѣчей говорить ни съ какимъ человѣкомъ, ни съ отцемъ, ни съ матерью, ни съ сестрами, ни съ братьями, ни съ друзьями, ни съ подругами; нигдѣ бы ей, рабѣ, не засидѣться и не стерпѣть,—ни въ своемъ домѣ, ни въ чужихъ людяхъ; и всегда бы она, раба, плакала бы и рыдала, охала бы и стонала, сохла бы и тосковала, кручинилась бы и печалилась обо мнѣ, рабѣ, во всякій день, во всякій часъ, во всякую минуту, въ полнѣ и въ перекроѣ, на новѣ и молодѣ мѣсяцѣ, вѣкъ по вѣку.»

(Владим. г., арх. Общ.).

См. еще заговоры на тотъ же предметъ въ слѣд. изданіяхъ:

- 1) Калачева, Архивъ юрид. и практ. свѣд., стр. 11.
- 2) Рыбникова, стр. 251 и 252.
- 3) Сахаровъ, №№ 36, 41, 44, 50, 62 и стр. 40.
- 4) Тихонравова, Лѣтописи р. литературы и древности, т. III, стр. т. IV, стр. 75—76.
- 5) Чтенія, стр. 160—161.

2. Отстуды, отсушвы.

(29) *Наговариваютъ на питье и пищу того, на кого наговоръ долженъ подѣйствовать; кроме того берутъ землю и по наговору бросаютъ на тоя человека, котораго должно отстудить, или на слѣдъ его.*

Пойду я въ поле на травы зелены, на цвѣты лазоревы. На встрѣчу мнѣ бѣжить духъ-вихорь *) изъ чистаго поля со своею негодною силою, съ моря на море, чрезъ лѣса дремучіе, черезъ горы высокія, черезъ доли широкіе; и какъ онъ бьетъ травы и цвѣты ломаетъ и бросаетъ, такъ же бы (имя рекъ) билъ, ломалъ (имя рекъ) и бросалъ, и на очи не принималъ, и до себя вполоть не допускалъ, и казался бы тотъ человѣкъ пуще змѣя лютаго, и жгло, и палило бы его огнемъ, громомъ и молніей. Тому слову моему нѣтъ края и конца, ни переговору и недоговору.

(Южн. Сибирь; зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт., 1848 г., т. XC, отд. III, стр. 50—51).

(30) *Наговариваютъ на питье и пищу того, надѣ кѣмъ долженъ подѣйствовать наговоръ.*

Встану я (имя рекъ) и пойду изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, на быструю рѣку (название рѣки), и стану я (имя рекъ) по три краты мыться и полоскаться, по три зари утренни и по три зари вечерни, и преговаривати: «Гой еси, рѣка быстрая (название рѣки), прихожу я къ тебѣ по три зари утренни и по три зари вечерни съ тоской тоскучей, съ сухотой плакучей, мыти и полоскати лицо бѣлое, чтобы спала съ моего лица бѣлаго сухота плакучая, а изъ ретива сердца тоска тоскучая; и понеси ты, быстра рѣченъка (название рѣки), свою быструю струю, и затопи ты ее въ своихъ валахъ глубокихъ, чтобы она никогда ко мнѣ (имя рекъ) не приходила.» А всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ и влючу въ воду.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт., 1848 г., т. XC, отд. III, стр. 50).

*) Простой народъ въ Сибири думаетъ, что въ вихрѣ летаетъ нечистый духъ, дьяволъ, негодная, нечистая сила, и что во время грозы молнія всегда на него падаетъ, а дьяволъ въ это время оборачивается въ какую-нибудь домашнюю птицу, животное, иногда въ ребенка.

(31) Благослови меня, Господи; благослови, владыко, рабу Божию (имя рекъ). Ложусь я помолясь, встаю перекрестясь. Пойду я изъ дверей въ двери, въ трое двери, изъ воротъ въ ворота, въ трое ворота, во чистое поле, подъ свѣтель мѣсяцъ, подъ красное солнце. Май во хмѣ; обо мнѣ не вздохни, не сохни о рабѣ (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Петровск. у. Саратов. г., Отеч. зап. 1848 г., Т. LVI, отд. VII, стр. 203).

(32) На морѣ на окіянь, на островѣ на Буянѣ стоятъ столбъ; на томъ столбѣ стоитъ дубовая гробница; въ ней лежитъ красная дѣвица, тоска-чаровница; кровь у нея не разгорается, ноженьки не поднимаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается. Такъ бы и у (имя рекъ) сердце бы не сокрушалось, кровь бы не разгоралась, сама бы не убивалась, въ тоску не вдавлялась. Аминь.

(Симбирск. г., зап. В. Юрловъ, арх. Общ.).

(33) *Наговаривать на воду или състное.*

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не въ ворота; выйду подпольнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжить рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой, на одномъ на челнѣ не сидятъ, и въ одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) съ рабой Божьей (имя рекъ) на одной бы лавкѣ не сидѣли, въ одно окно бы не глядѣли, одной бы думы не думали, одного бы совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра—одинъ змѣинный духъ. Ключъ и замокъ моимъ словамъ.

(Соломбала зап. С. Огородниковъ; Пам. кн. Арх. г., 1865 г., отд. II, стр. 43—44).

II. Б р а к ъ.

1. Дѣвичьи приговоры для привлеченія жениховъ.

(34) *Дѣвицы ст. режутъ появленіе молодого мѣсяца и, увидявъ его, вертятся на пятъ правой ноги, приговаривая:*

Младъ мѣсяцъ, увивай около меня жениховъ, какъ я увиваюсь около тебя.

(35) *Незамѣтно отъ вслѣхъ аметаютъ соръ съ улицы въ избу и замечаютъ его въ передній уголъ, гдѣ его никто не увидитъ, приговаривая:*

Гоню я въ избу свою молодцовъ, не воровъ, наѣзжайте ко мнѣ женихи съ чужихъ дворовъ.

(36) *Заводятъ опару, ставятъ ее въ печь, и когда она начнетъ кипѣть, берутъ наперстокъ, черпаютъ имъ трижды раствора и пьютъ съ приговоромъ:*

Какъ тѣсто ложится у сердца на мѣстѣ, такъ и мысли о рабѣ Божьей (имя рекъ) ложилась бы у ретива сердца раба Божія (имя рекъ).

(37) *Въ праздникъ Покрова приходятъ въ церковь и, переступая через пороги ея, говорятъ:*

Мати Пресвятая Богородица, покрой землю снѣжкомъ, а меня женишкомъ.

(38) *Дѣвица выходитъ съ посидѣлокъ за ворота, набираетъ въ приполъ своего сарафана сѣмгу, полетѣ его и приговариваетъ:*

Полю, полю просо на дѣвичью косу, гдѣ-ка мой женишокъ, тамъ, собачка, взвой, голосокъ отдай.

(Малмыжск. у. Вятск. г., зап. С. Осокинъ, Современникъ 1856 г., т. LIX, смѣсь, стр. 78—79).

2. Когда сваху посылаютъ засватывать избранную невесту.

(39) *Этотъ наговоръ употребляется только тогда, когда не надѣются получить согласіе отца и матери невесты.*

Встану я (имя рекъ) на утренней зарѣ, на солноходѣ краснаго солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на восточную сторону, въ чистое поле; въ томъ чистомъ полѣ гуляетъ буйный вѣтеръ. Подойду я поближе, поклонюсь пониже и скажу: «Гой еси, буйный вѣтеръ, пособи и помоги мнѣ (имя рекъ) законъ получить отъ сего дома, и взять кого я хочу, и у того бы человѣка (имя рекъ) умъ и разумъ отступился и на всѣ четыре стороны расшлся, а ко мнѣ бы (имя рекъ) приступился и умъ-разумъ домашнихъ судьбы наипаче, кого хочу получить; и перевалился бы и отошли бы ко мнѣ (имя рекъ) всѣ ея мысли, и охоты, и забавы, и всѣ бы ихъ внизъ по водѣ унесло, а на меня (имя рекъ) принесло.» Ключъ въ морѣ, языкъ въ ротѣ. Тому слову нѣтъ края и конца, отъ злаго человѣка вреда, бѣды и напасти. А что бы на меня и на нее подумалъ (то-есть, недоброе) и замыслилъ, у того человѣка

ка ничего бы не послѣдовало, и заперло бы ключами, и замками и восковыми печатями запечатало.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт., 1848 г., т. XC. отд. III, стр. 49—50).

3. Когда сваха идетъ на сватовство.

(40) *Входя на крыльцо дома невесты, сваха ступаетъ на первую ступень правою ногою и притомъ говоритъ:*

Какъ нога моя стоитъ твердо и крѣпко, такъ слово мое будетъ твердо и лѣпно, тверже камня, лѣпче клею и сѣры сосновой, острѣе булатнаго ножа; что задумаю, да исполнится.

Потомъ сваха шагаетъ правою же ногою черезъ пороги, а войдя въ комнату и помолясь Богу, садится подъ матицей на лавку, которая идетъ по длинѣ пола, и приступаетъ къ переговорамъ.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт. 1848 г., т. XC, отд. III, стр. 2).

4. При проводахъ жениха.

(41) *Пока поѣзжане и женихъ собираются въ путь, възлюбивецъ обходитъ кругомъ всѣхъ лошадей, передвигаетъ тельны, потрлхиваетъ колокольцы и въ то же время шопотомъ говоритъ:*

Покорюсь, помолюсь сей день, сей часъ, утромъ рано, вечеромъ поздно! Благослови меня, Пресвятая Мати Богородица, Егорій храбрый, со княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами, со свахой, съ дружкой и съ подружкой ко княгинѣ ѣхати, княгиню получить, съ княгиней въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій принять! Стану, благословлюсь, пойду, перекрещусь на восточную сторону; благослови меня, Михайло Архангелъ, дай намъ пути-дороги.

(Сольвеч. у., зап. Н. Роговъ, Пермск. Сборн., II, отд. I, стр. 91).

5. При проводахъ невесты.

(42) *Когда невеста, покрытая фатою или платкомъ, садится въ повозку со свахою, а тысяцкий садится съ однимъ изъ поѣзжанъ, имѣя въ рукахъ барабанъ, дружка, отыскивающий за благополучное окончаніе свадьбы, оглашаетъ поѣздъ отъ колдунь, недобрыхъ знахарей и волхитовъ, для чего беретъ восковую свѣчу и обходитъ кругомъ всего поѣзда, похлопывая бичемъ и наговаривая про себя:*

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь студеной ключевой водою, утрюсь тонкимъ полотенцемъ; оболочусь я оболочками, подпояшусь красною зарею, огоро-

жусь свѣтлымъ мѣсяцемъ, обычусь частыми звѣздами и освѣчусь я краснымъ солнышкомъ. Огражду вокругъ меня (имя рекъ) и дружины моей съ ослатами тынъ желѣзный, почву укладну, небо булатно, чтобы никто не могъ прострѣлить его, отъ востока до запада, отъ сѣвера на лѣто, ни еретикъ, ни еретица, ни колдунъ, ни колдунница, годный и негодный, кто на свѣтъ хлѣбъ ѣстъ. Голова моя—коробея, языкъ мой—замокъ.

Потомъ трижды читаетъ молитву: «Да воскреснетъ Богъ» и нѣкоторые друзья; кромя того, отдымаетъ небольшіе кусочки воску отъ свѣчи, наливаетъ ихъ поѣзжанамъ на кресты, а лошадямъ на гривы.

(Южн. Сибирь, зап. С. Гуляевъ, Библ. для Чт. 1848 г., т. XC. отд. III, стр. 42).

6. Отъ порчи свадьбы.

(43) Стану азъ, рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь ставить желѣзные тыны отъ морскія глубины, отъ небесной высоты, отъ востока до запада, отъ сѣвера до полудни. Въѣду азъ, рабъ Божій (имя рекъ), въ желѣзный тынъ со всѣмъ моимъ поѣздомъ; затворю азъ, рабъ Божій (имя рекъ), за тридевяты щитовъ, за тридевяты дверей и замкну азъ, рабъ Божій (имя рекъ), за тридевяты замковъ; выну изъ тридевяты замковъ тридевяты ключей, кину я тѣ ключи въ чистое море Окіанъ. И выйдетъ изъ того моря щука златоперая, чешуя мѣдная, и та щука проглотитъ тридевяты моихъ ключей и сойдетъ въ море, въ глубину морскую. И какъ никому твѣ щуки не поймать и тридевяты ключей не сыскать, и замковъ не отпирывать,—и меня, раба Божія (имя рекъ) и, енязя молодого не испорчивать и весь мой княжескій поѣздъ; всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Череп. у., Новг. г., зап. Н. Чернышевъ, арх. Общ.).

(34) Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Повлечусь азъ, рабъ Божій (имя рекъ), низко Его златому кресту, восплачу и возопію; начну азъ, рабъ Божій (имя рекъ) наряжаться со всѣмъ моимъ поѣздомъ, съ новобрачнымъ княземъ и конскою сбруей, которые въ моемъ заговорѣ. Ъду со двора азъ, рабъ Божій (имя рекъ), со княземъ молодымъ новобрачнымъ и всѣмъ поѣздомъ и съ конскою сбруею промежду вечернею зарею и утреннею ко святому морю Окіану. Слѣды мои травой зарастаютъ и пескомъ